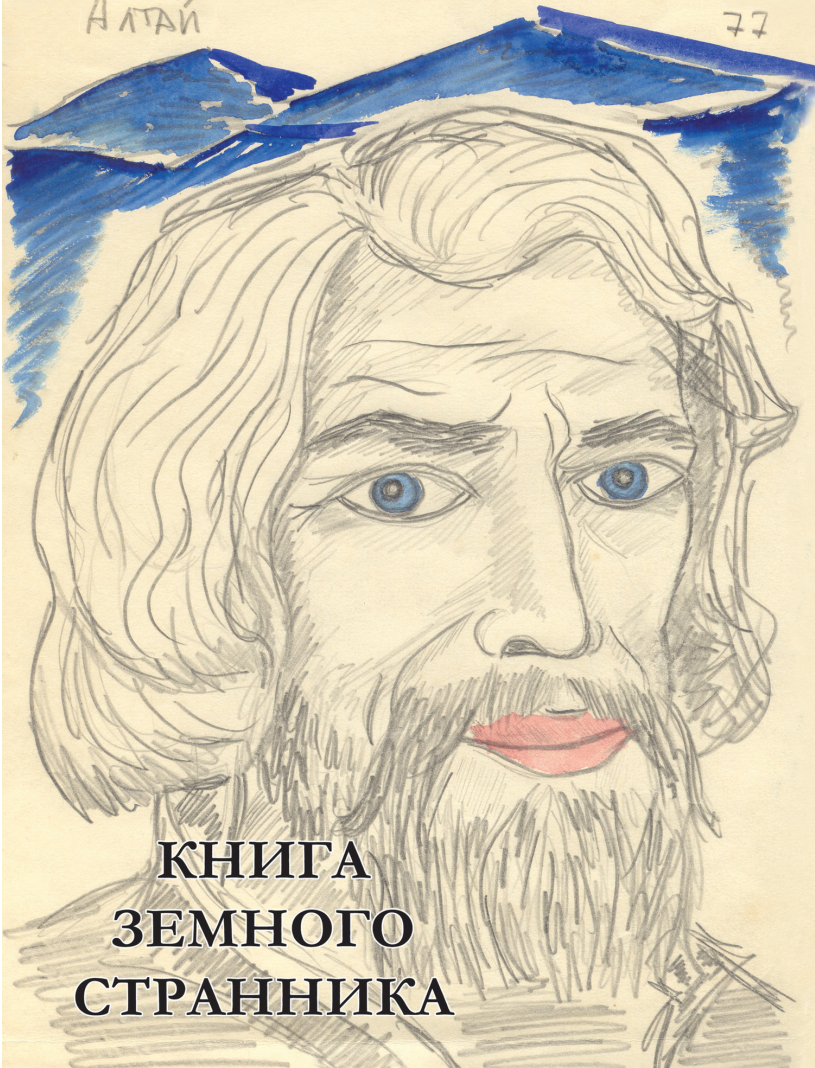

АЛТАЙ

77

**КНИГА
ЗЕМНОГО
СТРАННИКА**

Дмитрий Дмитриевич Нагишкин

Книга земного странника

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55342611

Книга земного странника. / Нагишкин Дмитрий Д. —, : Пробел-2000;

Москва; 2013

ISBN 978-5-98604-370-8

Аннотация

Сборник стихотворений Дмитрия Д. Нагишкина.

«Я, Дмитрий Дмитриевич, сын Нагишкина, зачатый в Хабаровске, родился в Риге, где и радовался жить до шести своих лет, когда я научился читать сам. В школе, уже московской, было интересно и скучно. После седьмого класса попал из музейных кружков аж на Енисей как лаборант археологической экспедиции. После девятого класса поступил в ПТУ № 64 на отделение „Столяр художественной и стильной мебели“ (1967–1969), плюс фабричный конвейер, плюс армия, плюс КБ Ильюшина (столярка экспериментального цеха, 1972–74). После – сезон с геологами: южная Якутия (Чагда), Северный Уй и южнее. По окончании тех работ – корреспондент газеты Университета дружбы народов (1974–76), далее – столяр пятого разряда и скоро начальник столярного цеха театра им. Маяковского. Через два года поступил на дневное отделение факультета русского языка и литературы

Московского педагогического института, а через пару лет и, кажется, не вдруг научился писать стихи».

Содержание

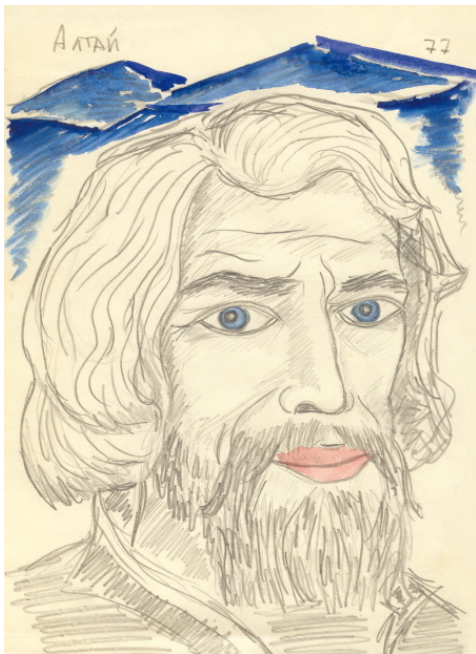
Часть I	15
Посох	15
Доброта твоих слов	16
«Я думал, что подарил...»	16
«Коль прошлое отречено...»	17
О моей госпоже	18
По следам Саади	19
«Благой Создатель! Как я поражен...»	20
«Всё больше я привязываюсь к рифме...»	20
«В каком великом напряженье...»	21
«Я миг вниманья твоего...»	22
«Давно светило перешло зенит...»	23
«Ну что же? Ты и есть судьба моя...»	23
О, лабиринт!	24
Концерт органной музыки	25
«Желанья наши вдруг совпали?!»	26
«Душой стелясь тебе под ноги...»	27
«Мне не хватает строгих слов...»	27
Познавание мира	29
«Богатством рифм не озабочен...»	29
«Всё улеглось. Ничто не потревожит...»	30
Мольба	30
Жалоба паладина	31

«Возможно приневоливать любовь...»	32
«Люблю! Всею силою души...»	32
«Мне нынче был пожалован подарок...»	33
«Твои дела так хороши...»	34
«Не зарекайся от сумы...»	34
«Местоименья должен заменить...»	35
«Любовь измученной души...»	36
«Прощай, любимая, прощай!..»	37
«Пусть страшной и безнадежной...»	38
«Меня воспоминания тревожат...»	38
«Уму на смену моему приходит разум...»	39
Венец человеческий	40
«Мерцанье звёзд, полдневный зной...»	41
«Прохлада ветра и журчанье вод...»	41
«Зачем всё это, осязаемое мной...»	42
«По произволу дарит смерть или живот...»	43
«Собрание разрозненных причин...»	44
«Все ж соблюдает свой устав и чин...»	44
«Непостижимость мировых законов...»	45
«Обманчивость незыблемых канонов...»	46
«Нас подвигает на вседневный поиск...»	47
«Надев на нас золототканый пояс...»	48
«Любовь, закон, который правит миром...»	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Димитрий Д. Нагишкин

Книга земного странника

Книга посвящается всем учителям...

Книга издана заботами
Ирины Ф. и Марей М. НАГИШКИНЫХ

«ИМЕНЕМ УЧИТЕЛЬНИЦЫ ПЕРВОЙ НАЗОВУ ОТКРЫТУЮ ЗВЕЗДУ...» – не знаю, чьи строки цитирую, а сами они запомнились мне со времен взлета Гагарина, когда листовки, порхавшие с неба и соседней крыши, дарили поистине всенародную радость праздника человеческого подвига. Титов обошелся без листовок, но подарил удивительное чувство уверенности и в себе...

Конечно, самый первый учитель – моя мать, Галина Иустиновна Черная, которая поддерживала мои руки, когда

я, распеленавшись, начинал топтать по Земле, а потом учила вытирать сопли и останавливать кровь. Рядом – отец – Дим Димыч, в те годы – вполне известный писатель, который мог и настелить полы, и перелицевать обивку кабинетного гарнитура, и читал мне вслух книги, что и заставило меня однажды и самому взять их в руки... и голову...

Брат Игорь показал, как получать затрецины и как увораживать от них, что такое ловить по радио близость чужеземных культур, слушать вечную музыку и найти дорогу в Церковь...

Леонид Варсонофьевич Аристов, акварелист, открыл мне мир акварельных красок, во всей их строгой щедрости и положил начало осмыслению понятия «хочу» и «могу»...

Настоящая «первая учительница» – Нина Федоровна Матвеева – кроме чистописания, арифметики и грамматики, дала умение штопать, клеить... и вообще – мастерить подарки и – учиться новому...

Увы, трудно упомнить всех, но чудес было полно: из-за биологии стало надо недурно владеть тушью и пером, из-за черчения пришлось научиться копировать классику карикатур... – Петр Тихонович Захаров...

История, география, литература, русский и труд – подарили бесконечный Эрмитаж снежно-сказочного С-Петербурга, жаркие всплески «Лебединого озера» Чайковского в яблоневом саду его **каннского** дома, рукотворные леса усадьбы художника Поленова на заокских просторах, токарный станок

по металлу, штыковую лопату археологов среди бескрайних степей среднего Енисея... – Ия Дикарева, Анна Степановна Боричевская, Лу. Па. Корнеева, Григорий Дмитриевич Гусев...

Между школой и домом верстовым столбом пути человеческого возвышалась непохожая ни на что – Татьяна Александровна Спендиарова, дочь, как узнал я весьма впоследствии, автора первой оперы Армении – Спандарьяна, дочь, которая стала, и не только для меня, первооткрывателем забытой в Совдепии настоящей культуры Жизни... Тут был и отголосок комнатных дворянских «шарад», домашний театр, «правильное» веселье...

Она, а потом и сестра ее, Марина, отсидевшая полжизни в ГУЛАГе, поразили меня своею «незаметностию» обучения резвившихся своей же подростковостью гостей... Как благодарен я им, что за месяц до армейского «напильника» успел увидеть их Родину, а там и Мартироса Сарьяна, и католикоса Вазгена 11-го, и собственные покаянные слезы на его службе в Эчмиадзине... Увы, как долго доходила до меня глубина их – незаметного обучения Жизни... и – Духу...

Василий Дмитриевич Аполин, широколобый, сдержанный, бывший летчик и Иван Семенович Петров, ласковый, скромный и точный трудяга из ПТУ № 64 – это теоретик и практик столярного ремесла высокого класса честности умного труда. Они научили меня думать и делать, что надо и, – что хочу.

Легко ли назвать учителем настоящий рубанок, который вскрывает шершавость пиленной древесины и превращает ее в шелковистый муар чистой текстуры дерева, тугий и нежный, как щека младенца?

Зоркая Тимофевна, библиотекарь нашего Училища, дарившая неслыханную свободу лазить по сокровищам стеллажей лестничной высоты! История одежды, орнаменты всех времен и народов, моря путешествий, эстетики, этнографии... Самозабвенная история...

А какое учительское звание можно дать досточтимой стипендии? Всякий, кто знает про первый трепет волнения ума у маленького окошка, вспомнит что-нибудь. А уж «степуха» с одной третью первой оплаты старательств – это свежесть пластинок классической музыки, взрывная радость недельного путешествия в пост-новогодний средневековый Таллинн, и— батареечная радиола уральского ЧТЗ (1969 г.), которая хоть частью своего Челябинского танкового ширпотреба жива до сих пор, как хорошее радио добрых поселян... Конечно, вынужден добавить и про сладкое мороженое, и про бутылку жгучего кубинского рома на 10 человек: наша группа, «Мы уже большие»!..

Армия это тоже Академия Наук... Начиная от принятия Присяги под крыльями орла на Бородинском поле – до казарменного труда... «Отец родной» – майор Епифанов, чья честь офицера была закалена страшной войной. Такой же фронтовик и необоримый труженик, горевший танкист –

прапорщик Сорокин; опора хитрости и незлобия – капитан Малков; тихий автоспец и любитель литературы неглупой – прапорщик Иванов; невидимый пролаза, всевидящий старшина роты – прапор Первеев...

Взвод за взводом: сибирские «деды», заволжский набор русских-чувашей и будущий украинский молодняк и наш московский «промах» подполковника Эпштейна – побивший все рекорды труда и лени, «губы» и изворотливости, – мы все наставляли друг друга, как могли...

И даже не знаю кого благодарить в КБ Ильюшина, из чьей столярки пролегли дороги от профсобрания до Шефского концерта дивной скрипки в крепких руках грузинской красавицы – я почти потерял сознание, задыхаясь от восторга, перевернувшего мне всю душу...

Тот же Профком от своих экскурсий по московской архитектуре заносил сначала в чудоподобный Суздаль, а следом открывал глазам седины Кавказа...

Раузер – начальник отряда геологов – мастер психологии высочайшего класса – сезон за сезоном держал в Якутской южной тайге в равновеликости своих теплой ладони и твердого кулака, ради дела, стаи самолюбивых БИЧей и геологинь...

Там же был и Жень-Женич Даниль-цев – художник и мастер-фотограф, подлинный р а з н о-рабочий экспедиции, настоящий жень-шень человеческой теплоты, внимания ко всему и бережливости всего...

Нина Николаевна Короткова, орденозаслуженная «инженеришка» группы ракетных двигателей наших Земных спутников, имевшая нечастую Библиотеку, настоящий любитель и любомудр бесконечной широты поисков человеческого духа в познании мира рядом с горячим чаем в своем теплом доме...

Кубанский казак Иваницын был не высунутая, но настоящая голова столярного умения Театра им. Маяковского. Сегодня – киот для иконы, завтра — дворец Марии Стюарт – появлялись на сценических подмостках. Если хитрые артисты подсовывали ему что-либо «дешевокупленное», то его реставрация выуживала оттуда всю возможную красоту.

Игорь Мазнин – детский стихотворец, вежливая энциклопедия поэтического мира, незаметный Меценат, даровавший мне возможность битвы с редакциями тех времен, институтом и самим собой за настоящее свое слово...

Алтайский хозяин конского двора Катуньской турбазы Алексей Егорович был Киплинг, а точнее – Маугли... Он нечаянно ухитрился дать почти невозможный урок: «Ты и я, мы с тобой – одной крови!» И не так важно, кто или что перед тобой: вековая лиственница, родниковая струя, свежее горное сено, поющий кузнечик или тот самый коняка, на которого вспрыгнул невидимый Маугли вместе со мной...

Имперски благородный демократ, кладезь всех достоинств зарубежной литературы, добрейший профессор Борис Иванович Пуришев – он приоткрыл нам, ветреным студиязу-

сам, еще одну скрыню: восхитительную нескончаемую лекцию и по древнерусскому искусству... Как он мог столько вместить, так прекрасно волноваться и ничего не жалеть отдать!..

Седая прядь, орлиные очки, «старая гвардия» танцевального искусства, пылкий и бесподобный учитель английского языка – Флора Ахаковна Ибрагимова... Когда она взирала на меня, то я начинал переводить «с листа» текст с половиной незнакомых мне слов, но – правильно...

Зоя Николаевна Литвина, Галина Александровна Романовская – древнеславянский и историческая грамматика, латынь и древнегреческий – безукоризненные знания, беспорочная требовательность и неправдоподобная пощада... Несходно-схожие и добрые, как две сестры...

Валентин Иванович Федоров, теневой человек восемнадцатого века русской литературы, правильно малозаметный умница с добрыми припрятанными глазами и добрыми делами...

И, конечно, Алексей Плигин, давший целый срез нашей пишущей эпохи, нашего века, ибо жизнь человека и есть его полный век. За то, что он пропечатал и меня...

«И в третий раз повторяю: нельзя объять необъятное...»

Думаю, что каждый из нас – Учитель – для десятков и сотен соприкоснувшихся за все время обыкновенной жизни. И – Ученик..

Я БЛАГОДАРЕН ВСЕМ!

(постскриптум: простите, не помянутые, но – помнимые,
пусть не всегда, но, надеюсь, – все).

Часть I

Посох

Посох

*Прими-ка: что дает круговорот
Времен,
И с полной чашею, как шах,
садись на трон,
Бунт и покорность – прах перед
лицом Господним
Испей же свой бокал, что жизнью
поднесен...*

Омар Хайям

30.12.99

Поправки перевода Дим. Д.Нагишкина

Доброта твоих слов
Познавание мира
Венец человеческий
О, Мать-Земля!
Застолье

Доброта твоих слов

«Он пел любовь, любви послушный»

А.Пушкин

«Я думал, что подарил...»

Я думал, что подарил
Мальчишке
Перочинный ножик,
А он выстрогал из коры
Парусный корабль
И уплыл в дальние моря.

Я думал, что подарил
Девчонке
Большую куклу,
А она завернула в одеяльце
Своего ребенка
И запела колыбельную.

Я думал, что подарил
Матери
Цыганскую шаль,

А она накинула на плечи
Свою память,
И ее глаза стали молодыми.

Я думал, что подарил
Деве
Свежую розу,
А она посмотрела на меня,
И мы пошли вперед
Рука об руку.

«Коль прошлое отречено...»

*«Падут несмелые цветы моих надежд!»
Амир Хосров Дехлеви*

Коль прошлое отречено,
Оно уже обречено...
Оно сбылось.
И нет возврата
К тому, чем юная растрата
Меня когда-то поманила.
Всё помню...
Но иное мило.

Спеша за временем текущим,
Исчез тот озаренный миг.

Мой сон окончен. Я постиг,
Что перестал быть неимушим!

Моя любовь не умерла —
И не погибнуть ей вовеки.
Она мне силы придала
Переродиться из калеки,
Который хладнокровно жил,
Ничем, казалось, не тужил,
Воспоминанья ворошил
И к смерти медленно
Спешил...

Тверская застава,
30 марта 1981 г.

О моей госпоже

Ты взгляд метнула мне,
И был он, как кинжал.
И прямо в сердце мне
Он острием попал...

Судьбина, – не жалея
Отмеченного сердца.
Оно – души моей
Не более, чем дворца.

Был точен твой удар.
И дверца распахнулась.
Теперь я весь – пожар!
Душа моя проснулась...

-

Ты неизбывна, незабвенна...
Тебя мой жребий помнить неизменно,
Пусть я однажды и не встану поутру,
Затем, что в этом мире я умру...

Пречистенка
Сентябрь-декабрь 1980

По следам Саади

Я честным пламенем охвачен, я – кричу —!
На дивном скакуне любви лечу, любя...
На поле красноречья, собирая жатву,
Пою одну тебя, об остальном молчу, любя.
Среди бесчисленных дорог моих земных
Единственным путем стремглав скачу, любя.
Преодолеть смогу я всё на этом свете,
Всё в этом мире будет по плечу, любя.
На жертвенник любви святой, бессмертной
Я, как Хаджи, несу души свечу, любя!

Вал Камер-Коллежский
21/3-1981

«Благой Создатель! Как я поражен...»

Благой Создатель! Как я поражен
Великолепную любовью...

Прекрасный мир в меня был отражен
Сияющей, блистательною новью!
Глаголом тайным я разбужен был
И мир нашел, – какой не находил, —

Любовь, что оглушительней, чем страсть.
Такую – время – не заставит пасть.

Миусы
22/2-81

«Всё больше я привязываюсь к рифме...»

Всё больше я привязываюсь к рифме —
Ведь слово прозы – тесно для тебя!
Так, арифметика исчезнет в логарифме,

Задачам новым подчинив себя...

Ручей стремится к океану, —
Притоком и рекою становясь...
И я противиться не стану,
Законам вечным преклоняясь.

Отзывчивость – основа всех основ —
В твоей любви я вечно буду нов!

Тверская Застава
10/12-80

«В каком великом напряженье...»

В каком великом напряженье
Умеешь ты меня держать,
Когда душевное стяжанье
Велит цветы любви сажать!?

Ты мои тайны видишь прежде,
Чем сам успею их открыть.
Себе внимаю, как невежде,
Что свой порок хотел бы скрыть...

Но сокровенные глубины
Мудрец увидит без труда:
Златой песок на дне долины

Найти сумеет он всегда.

Своё вниманье мне даря,
Творишь из ничего – царя!

«Я миг вниманья твоего...»

Я миг вниманья твоего
Такой сторицей возмещаю,
Как прежде в схватке боевой:
Герольд турнир провозвещает,
И Рыцарь, сколько силы хватит,
За милость Дамы кровью платит...

Хоть это всё теперь не в моде.
Златой чекан разбит надвое.
Я все же следую природе,
Не глядя в зеркало кривое,
Пусть целый мир к нему прикован,
И – ложным блеском очарован...

Но ты – милей приманок мира,
Тебе – мой щит и меч, и лира!

«Давно светило перешло зенит...»

Давно светило перешло зенит.
Мой день окончился. Меня клонит
Ко сну усталость. В окне рассвет.
Где силы я беру, когда их нет?

Моя Прекраснейшая Дама!
Неумолимейшая Госпожа!
За что со мной ты так упряма?
Зачем не видишь верного пажа?

Пора любви прекрасней прочих,
Не будь так равнодушна для неё!
Открой блистательные очи...

В тебе нет сердца? Ну – возьми моё!
Оно поможет душу отогреть...
А я? – Я рад бы за тебя сгореть.

«Ну что же? Ты и есть судьба моя...»

Ну что же? Ты и есть судьба моя.
И наконечник твоего копья,
Теперь уже всего меня пронзив,

Мне показал, как трудится Сизиф.

Способен видеть и дышать могу,
Мне служат руки, ноги, сердце, мозг...
Но недоволен чем? Каких прекрасных роз
Я, как иглу, ищу в распавшемся стогу?

День каждый, каждый час и миг
Вспоминаю твой пресветлый лик!

О, лабиринт!

Узора хитрых кружев не плету.
Упорной верностью преследую Мечту.
И может скоро я к ней подойду,
Найдя её в божественном саду.
Любовь – вот имя вертограду,
Что крепкой обнесен оградой,
Тумана полон, яростных теней,
Терновника, нечувственных камней...

Любимая моя, я верю, ты
Взрастила там немногие цветы
И может быть, отдашь мне их нектар,
Приняв меня – ответный равный дар!

Концерт органной музыки

Музыка тихо возлетала
В угоды горних эмпирей
И за собою увлекала
Греха отпрянувших людей.

Роятся мысли и, ликуя,
Душа отверзнута любви,
И не телесное волнует,
Хотя полдневный жар в крови...

Вот арфою орган пролился —
Журчанье падающих трелей;
Давно так сладко не молился,
Бежав уединенных келий...

И мнится, будто понимаю:
Зачем неведомую стаю
Волшебных птиц поутру встретил
И Деву-Лебедь там приметил...

Как нож – внезапность озаренья,
И ныне – вечный мир открыт
Скрижалью верной откровенья,
Всё устремившего в зенит!

-

Шелковый шарф на колыбели,
Благословение купели,
Времен смертельные качели,
И непорочность верной цели...

«Желанья наши вдруг совпали?!»

Желанья наши вдруг совпали?!
Среди безмерной гулкой дали
Даришь мне ласковое слово —
Как будто я разбил оковы!
Как будто вышел я на волю
И новую поверил долю!
Как будто выплыл я со дна —
Мне жизнь дана еще одна...

И восторгаюсь и ликую!
И жизни цвет, цедея, смакую...
И чувств волнуемый избытком,
Твоею речью, как напитком,
Я душу жажды утоляю
И грешных помыслов
Не знаю!

«Душой стелясь тебе под ноги...»

Душой стелясь тебе под ноги,
Я забываю все тревоги:
– Моя любимая подруга,
Ты – из божественного круга
Спустилась, верно, к нам на землю,
Где я тебе послушно внемлю?
Я весь – такое трепетанье,
Когда меня касаешься ты словом!
Едва не пресекается дыханье,
И непорочным делаюсь я снова,
И детской чистотой благоговенья
Я восторгаюсь на высоты бытия,
И ни одно коварное сомненье
Не принимает боле мысль моя!

«Мне не хватает строгих слов...»

Мне не хватает строгих слов
Достоинства твои прославить!
И – даже тысячи часов
Мне мало, чтоб себя заставить
Сказать невыдуманным слогом,

Неложным, чистым естеством,
Где фальшью было б мастерство,
Перед тобою, как пред Богом,

О том, что я тебя люблю:
Надежно, нежно, сильно, просто.
Я – тень твоя. Шаги ловлю

Душой. Отныне до погоста
Уже мой путь тобой отмечен —
Незрим, единственен и вечен.

Познавание мира

«Богатством рифм не озабочен...»

*«День и ночь, не ведая сна,
Я лелеял бы розу мою,
Но ревниво замкнулась она,
Лишь колючки её познаю...»*

В.Блейк

Богатством рифм не озабочен,
Я, как простой чернорабочий,
Свой верный труд покорно знаю.
Вседневной правдою пронзаем,
Её пытаюсь передать...
И дум нежданных череда
Меня влечет тропой тернистой
В сад осознания тенистый —
Откуда ляжет путь решений
На поле битвы и свершений...

И опыта ступень очередная
Мне может покориться, открывая
Всё тот же новый, вечный путь,

Где так же невозможно отдохнуть.

«Всё улеглось. Ничто не потревожит...»

Всё улеглось. Ничто не потревожит
Моих раздумий в сумрачной тиши.
Дневных сует отрекшись, дух итожит
Деяния восторженной души,
Что тело робкое влечет тропой,
Где я однажды встретился с тобой
И от себя отрекся навсегда,
Предпочитая, чтоб мои года,
Судьбу и жизнь, и совесть, и дела
Сама судила, мерила... Цена
Пристрастно и сурово. И легла
Канвою, красной нитью для меня,
Моих работ, сует... И я мечтаю,
Что Книгу Жизни прочитаю...

Мольба

Любимая, меня не забывай!
О, жизнь моя, порою вспоминай
Того, кто позабыл совсем про мир,
Кто платье износил свое до дыр,

Кто превратил в лохмотья башмаки,
Кому все остальные – далеки,
Кто ходит этой лишь дорогой,
Кто знает двери одного порога...

Я о себе всё это говорю:
Любимая, меня не забывай!
Уже за то тебя благодарю,
Что ты меня порой согласна слушать!

Любимая, меня не забывай!
Я без тебя – бесплоднейшая суша...

Жалоба паладина

Безумной ревностью терзаем,
Едва не позабыл про белый свет!
И все ж меня любовь спасает,
И ревностней влюбленного уж нет.

Душой стремясь за тобою,
Перед тобой беспомощно открыт,
И с постоянной мольбою:
Чтобы в тебе я не был бы забыт!

Пусть равнодушием твоим убит,

В тоске пустые дни окончу,
Пускай разлукой жизнь закончу —
Меня неправды путь не уязвит.

«Возможно приневоливать любовь...»

Возможно приневоливать любовь,
Её не убивая поминутно?
Быть может, не прольется кровь,
Но станет вдруг отравой мутной!
Нет горше поцелуя без любви.
Его Иуда проклял, – удавил...

Любовь и кровь – законное слиянье.
К чему здесь рифму свежую искать?
Любовь и кровь – алтарное сиянье...
Зачем словами надобно плескать?

И знает тот, кто поражен любовью —
Дитя родится, – омываясь кровью!

«Люблю! Всею силою души...»

Люблю! Всею силою души...
Изнемогаю без тебя!

Меня – захочешь – иссуши,
Я всё равно забыл себя.

Ты – радость, милость, упование,
И за тебя – мое стяжанье.
В тебе – себя приобретаю,
И без тебя – себя не знаю.

Ты крест мой тяжкий,
Слезы, мука...
Но мне еще страшней
Разлука!

«Мне нынче был пожалован подарок...»

Мне нынче был пожалован подарок
И долгожданный день – щедрее многих стал!
И снова мир мне показался ярком,
В душе пророс целительный кристалл.

-

Пусть в этом – всё же радостном – свиданье
Приметил я, что я тебе – чужой...
Как в скит, уйду теперь в скитанья,
Тебя, как Рыцарь, слава Госпожой!

«Твои дела так хороши...»

Твои дела так хороши,
Что рад я за тебя
Лишь только
смирив отчаянье души.

Меня они ведь не коснутся.
Давно ты разделила нас.
И мне уж лучше не проснуться,
Чем видеть равнодушный глаз,
Который мимо проскользит
Меня, прихожей, лампы, стула...

Ты в новый сон теперь заснула,
И он, боюсь, меня сразит
Последней капелькой,
Пронзающей
Гранит.

«Не зарекайся от сумы...»

«Не зарекайся от сумы...»
Я снова у пределов тьмы,
Стал слеп и глух, и нем – душа

Вон вытекает, не спеша...

Ты собственным путем ушла.
Дорожным прахом я остался.

Ты «есть» во мне, а не «была»,
Ведь я с тобой не разлучался!

И одиночество мое,
Как к небесам, к тебе взывает.
Так ритуальное копьё
Одну лишь жертву убивает.

Я был бы пуст, не зная тебя.
Узнал. Люблю...
Умру? —
Любя!

«Местоименья должен заменить...»

Местоименья должен заменить:
Родное «ты» – на вежливое «Вы».
Судьбе своей решившись изменить,
Так стали восхитительно новы...
Что ж, будьте «верная супруга
и добродетельная мать»...

Во мне не потерять Вам друга,
А Вам – во мне – другой не стать.

«Любовь измученной души...»

Любовь измученной души...

А если так: перепаши
Себя ты сам до основанья,
Чтоб умерло в груди стенанье,
Чтоб самоотвержением живот
Заранее отдал в этой битве,
И чтоб вперед твои молитвы
Чистейше уходили сквозь киот...

Когда ты не узнаешь сам себя:
Очищенный – умри любя.
Иль, как Меджнун, переживи
Оковы чувственной любви.
В себе терпение найдешь,
Свои возможности поймешь,
Как отраженье воли Бога,
Его престол – твоя дорога!

«Прощай, любимая, прощай!...»

Прощай, любимая, прощай!
На свете боле счастья не ища,
Пушусь, увы, искать теперь добычу
Неведомых полей. И лоб набычу,
И кровью глаз налью. Пора, прощай...

И дедов смертоносную пищаль
Отмстить пренебреженью твоему
За все блага вовек не подниму!
«Как дай Вам Бог» – я лучше не скажу,
«Любимой быть другим». Себя не заложу,
Не обменяю, не продам. Пускай
Привычная и мёртвая тоска
Преобразится в творчества заряд.
И обветшалый, модный мой наряд
Сменю на мантию и келью мага:
Реторты, ступки и перо, бумага,
Тяжелозвонный бой часов...
Извне – неотмыкаемый засов.

Свяжу молчанием
Уставшие уста.
И может перед смертным ликом
В дому заброшенном и диком,
Склоняясь в благодарности усталой,

Не буду вечною пожалован опалой...

«Пускай страшней и безнадежней...»

Пускай страшней и безнадежней
Такой тоски – еще не знал...
Вдруг понимаю то, что прежде —
Эх, никогда не понимал:
Когда не служишь за награду,
То ты не раб, а создатель,
Переступающий преграду,
Что в испытанье дал Создатель!

ХЛАМ-дом

13/12-81

«Меня воспоминания тревожат...»

Меня воспоминания тревожат.
Мой Боже! Сколько я прожил...
Но вереницу дней моих итожа,
Я радуюсь, что мир мне этот мил.

Быть может, он не лучший во Вселенной,
Но мне чужого видеть не дано,

И, стало быть, душою потрясенной
Внимай, ищи... Хоть есть ответ давно
О том, что нам грядущее готовит,
О том, что было, и о том, что есть —
Всё сочтено. И мир не остановит
Ни глупость беспробудная, ни лесть,
Которой тешу я себя напрасно;
И в странных дебрях сумрачного быта
Летю, гоним привычкую пристрастной,
Ту дверь открыть, что, может быть, открыта?

А там! О, правый Боже мой!
Сады Эдема...
Мир без искажений.
И мнится мне, что я попал домой,
С трудом прорвав обман моих стремлений.

Бутырский Вал 23/1-81

«Уму на смену моему приходит разум...»

Уму на смену моему приходит разум.
Все братья мне... Мне нечего хотеть.
Я отдаю долги. Жаль, понял я не сразу,
Что всё отдать – ведь это – всё иметь.

Венец человеческий

*«Росток мой от ВОДЫ небытия,
От ПЛАМЕНИ скорбей – душа моя,
Как ВЕТЕР, я крижусь, ищу по свету,
Где ПРАХ, – в который обратился я...»*

Омар Хайам

«При этом любовь противопоставляется сразу – и отвлеченному рассудку, и черствой воле, и холодному воображению, и земной похоти. Но противопоставляется так, что все эти способности, подчиняясь любви и насыщаясь ею, обновляются и перерождаются. Мысль, движимая любовью, становится силою РАЗУМА, прилепляется к познаваемому предмету и дает НАСТОЯЩЕЕ ЗНАНИЕ. Воля, рожденная из любви, становится СОВЕСТНОЮ, благородною волею и оказывается источником настоящих христиански-героических поступков. ВООБРАЖЕНИЕ теряет свой холод, загорается духовным огнем и начинает воистину «видеть» и творить. А земная похоть, в просторечии именуемая «любовью», не заслуживает этого имени; но, проникнутая любовью, она перестает быть элементарною, страстною одержимостью и начинает осуществлять законы духа»

«Основы христианской культуры»

И.А.ИЛЬИН

«Мерцанье звёзд, полдневный зной...»

Мерцанье звёзд, полдневный зной...

Мой караван в пути всегда.

И спутник мой покрасил хной

Ладони рук, в порядке борода.

И нега шелковых одежд,

И звон верблюжьих колокольцев

Уже не размыкают вежд

Благочестивых богомольцев...

Но только караванщик знает

Дорогу путников... Трудна,

Проста. Кто верует – дерзает!

Оазис. Домик. Не скудна

Награда... И – смывает пот

Прохлада ветра и журчанье вод.

«Прохлада ветра и журчанье вод...»

Прохлада ветра и журчанье вод...

Цветущий сад... Созревший плод...

Альдебаран... Созвездье Девы...

Амбра... Гаремы... Дальние напевы...

Сиянье льда... Сверкающий клинок...

Оленя след... Охотничий манок...

Там-тама бой... Ситара зов...

Воришка, отмыкающий засов.

Коловращенье лиц и смена дел,

Поспешность, ротозейство. Балаган,

Где держат наши нити. Кто успел?

Но очень скоро грянет барабан

Времен. Он повлечет на суд иной!

Зачем всё это, осязаемое мной?..

«Зачем всё это, осязаемое мной...»

Зачем всё это, осязаемое мной,

Обманом глаз, приманкой для руки

Вдруг принимается доверчивой душой,

И кажется, что все долги легки?..

Но явью оборотится мираж,

Когда поймем, что он не наш,

Что чуждой он и злобной волей

Во искушенье придан нашей доле!

Когда пойдем... Ну а до этих пор
Привычек создаем глухой забор
И равнодушно смотрим на порок...

Во сне бессмысленном бредём. И вот
Мы думаем, что вездесущий рок
По произволу дарит смерть или живот.

«По произволу дарит смерть или живот...»

По произволу дарит смерть или живот
Благое Провидение, Фагум?
Иль так же, как и мы – они в поту
Свою работу делают – в киот

Привычных форм – Идею заключая?
И ненасытность Зла ключами
Тайными свергают от Пути,
Где мы, безумные, пройти

Так жаждем, миру вопреки...
Спешим берегами жизненной реки
И без толку молчим или кричим,

Когда бы надо говорить или молчать,

Неся в себе привычную печать —
Собрания разрозненных причин.

«Собрание разрозненных причин...»

Собрание разрозненных причин —
На первый взгляд – определяет мир.
Но был когда-то праведный зачин,
Всему, что видим. Голоден и сир

Бездомный путник – ты и я,
Свою не знавшие дорогу...
Усердно «помогает» нам змея,
Не подпуская к светлому чертогу.

Когда бы оглядеться мы могли!
И шоры век своих поднять легко, —
Как видеть бы сумели далеко...

Пути добра и света, пролегли
Бы в сердце нам, – обилие личин
Всё ж соблюдает свой устав и чин!

«Все ж соблюдает свой устав и чин...»

Все ж соблюдает свой устав и чин
Прелестная рассеянность Вселенной
И выпекает жизни Хлеб нетленный
Для нас в своей космической печи.

И слабый человек попыткой смелой,
Стремясь прорвать оковы тела —
Дерзает Духом унести вперед,
Который все препятствия берёт.

Но совершенные Алмазы
Находят изощренным глазом!
И чрез невидимые двери,

И стерегущих Клад драконов
Пройдем, не отдаваясь вере
В непостижимость мировых законов.

«Непостижимость мировых законов...»

Непостижимость мировых законов
Нас постоянно возвращает к лону
Кормлицы-Земли. Но, как Антей —
Мы оживём! Бесформенный Протей —

Плут многоликий, вестник Знания
Опять завертится в могучих дланях

И снова, как вода, прольется,
Поняв, что побежден. Но удастся

В обличье новом – старое узнав,
Его настигнуть. Наш турнир
Продолжен. На ткани Бытия узла

Развяжем тайну. Запряжен Слейпнир —
Нам испытать очередного кона
Обманчивость незыблемых канонов...

«Обманчивость незыблемых канонов...»

Обманчивость незыблемых канонов
Нам отворяет познавания врата.
И прежде чудотворные иконы
Знамения являли неспроста,

Но разрешая человеку постигать,
Что есть нерасторжимость всех миров...
И сквозь дремучесть настилая гать,
Мы удостоимся сияющих даров.

А чтоб не канули старанья в Лету,
Не смеешь ты работать за награду
В дороге трудной продвиженья к Свету!

И подходя к сверкающему Граду,
Мы Поле жнем, и каждый колос
Нас подвигает на вседневный поиск.

«Нас подвигает на вседневный поиск...»

Нас подвигает на вседневный поиск
Любой толчок, движение, предлог —
Коль ты его узнаешь! – свой залог
Тому, что есть всемирный Полис.

И это не языческий Олимп,
Не Валгалла пирующих героев,
Не Шамбала блистающей горою
Укажет, может, свет тебе пролив

Луча, преобразившего сознание...
Хоть превращению вольно не случиться,
Когда доверия не примешь голос.

Трудом – придешь в обитель Знания,
И в беспредельность с нами мир помчится,
Надев на нас золототканый пояс.

«Надев на нас золототканый пояс...»

Надев на нас золототканый пояс, —
Учитель отмечает так, что новый
Рубеж был перейден, но помесь
Добра и Злобы нам не даст оковы

Неразличенья их... И постепенно
Мы что ни день, то больше узнаем:
Родник журчащий образует водоем...
Наступит день – ты станешь на колени,

Принять чтоб перстень – дар бесценный,
Свидетель отречения от зла...
Со временем живых мистерий сцены

Запечатлят, что ты уже познал
Венец всечеловеческого пира, —
ЛЮБОВЬ – закон, который правит миром!

«Любовь, закон, который правит миром...»

Любовь, закон, который правит миром,

В Евангельски обрамлен времена...
Но данные Христом, одетые ли Киром,
Ох, как не любят люди бремена!

Хоть кое-кто средь спешки мутной,
Отрекшись выгоды минутной,
Идет... промерзшею пустыней...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.